

В с е р и я
Г е н и я Р у с с к о г о С ы с к а

А.Ф. КОШКО

РОЗОВЫЙ БРИЛЛИАНТ

ОЧЕРКИ УГОЛОВНОГО МИРА
ЦАРСКОЙ РОССИИ

ИЗ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ
РИПОЛЬ КЛАССИКЪ

Гении русского сыска

Аркадий Кошко

**Розовый бриллиант.
Очерки уголовного мира
царской России (сборник)**

«РИПОЛ Классик»

2015

УДК 82-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кошко А. Ф.

Розовый бриллиант. Очерки уголовного мира царской России (сборник) / А. Ф. Кошко — «РИПОЛ Классик», 2015 — (Гении русского сыска)

В этом томе серии «Гении русского сыска» представлена подборка рассказов из первой части «Очерков уголовного мира царской России» русского криминалиста, сыщика и писателя А. Кошко. Необыкновенные интриги, волнующие перипетии, загадочные истории, таинственные происшествия, интересные герои и конечно же колорит российской жизни того периода ждет читателей на страницах этого сборника. В основе рассказов А. Кошко лежат подлинные события.

УДК 82-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кошко А. Ф., 2015
© РИПОЛ Классик, 2015

Содержание

Предисловие	6
Розовый бриллиант	8
Васька Смыслов	14
Коммерческое предприятие	17
Тяжелая командировка	24
Дело Гилевича	26
Жертвы Пинкертон	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Аркадий Францевич Кошко
Розовый бриллиант. Очерки
уголовного мира царской России

© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

Предисловие

Тяжелая старость мне выпала на долю. Оторванный от родины, растеряв многих близких, утратив средства, я, после долгих мытарств и странствований, очутился в Париже, где и принялся тянуть серенькую, бесцельную и никому теперь не нужную жизнь.

Я не живу ни настоящим, ни будущим – все в прошлом, и лишь память о нем поддерживает меня и дает некоторое нравственное удовлетворение.

Перебирая по этапам пройденный жизненный путь, я говорю себе, что жизнь прожита не даром. Если сверстники мои работали на славном поприще созидания России, то большевистский шторм, уничтоживший мою родину, уничтожил с нею и те результаты, что были достигнуты ими долгим, упорным и самоотверженным трудом. Погибла Россия, и не осталось им в утешение даже сознания осмысленности их работы.

В этом отношении я счастливее их. Плоды моей деятельности созревали на пользу не будущей России, но непосредственно потреблялись человечеством. С каждым арестом вора, при всякой поимке злодея – убийцы, я сознавал, что результаты от этого получаются немедленно. Я сознавал, что, задерживая и изолируя таких звероподобных типов, как Сашка Семинарист, Гилевич или убийца 9-ти человек в Ипатьевском переулке, я не только воздаю должное злодеям, но, что много важнее, отвращаю от людей потоки крови, каковые неизбежно были бы пролиты в ближайшем будущем этими опасными преступниками.

Это сознание осталось и поныне и поддерживает меня в тяжелые эмигрантские дни.

Часто теперь, устав за трудовой день, измученный давкой в метро, оглушенный ревом тысячей автомобильных гудков, я, возвратясь домой, усаживаюсь в покойное, глубокое кресло, и с надвигающимися сумерками в воображении моем начинают воскресать образы минувшего.

Мне грезится Россия, мне слышится великопостный перезвон колоколов московских, и, под флером протекших лет в изгнании, минувшее мне представляется отрадным, светлым сном: все в нем мне дорого и мило, и не без снисходительной улыбки я вспоминаю даже и о многих из вас – мои печальные герои...

Для этой книги я выбрал 20 рассказов из той плеяды дел, что прошла передо мной за мою долгую служебную практику. Выбирал я их сознательно так, чтобы, по возможности не повторяясь, дать читателю ряд образцов, иллюстрирующих как изобретательность уголовного мира, так и те приемы, к каковым мне приходилось прибегать для парализования преступных вожделий моих горе героев.

Конечно, с этической стороны некоторые из применявшихся мною способов покажутся качества сомнительного; но в оправдание общепринятой тут практики напомним, что борьба с преступным миром, нередко сопряженная с смертельной опасностью для преследующего, может быть успешной лишь при условии употребления в ней оружия если и не равного, то все же соответствующего «противнику».

Да и вообще, можно ли серьезно говорить о применении требований строгой этики к тем, кто, глубоко похоронив в себе элементарнейшие понятия морали, возвели в культ зло со всеми его гнуснейшими проявлениями?

Писал я свои очерки по памяти, а потому, быть может, в них и вкрались некоторые несущественные неточности.

Спешу, однако, уверить читателя, что сознательного извращения фактов, равно как и уснащения, для живости рассказа, моей книги «пинкертоновщиной», он в ней не встретит. Все, что рассказано мною, – голая правда, имевшая место в прошлом и живущая еще, быть может, в памяти многих.

Я описал, как умел, то, что было, и на ваш суд, мои читатели, представляю я эти хотя и гримасы, но гримасы подлинной русской жизни.

А. Ф. Кошко

Розовый бриллиант

В одно прекрасное утро 1913 года я получил письмо от знатной московской барыни – княгини Шаховской-Глебовой-Стрешневой, – одной из богатейших женщин в России, в коем княгиня горячо просила меня явиться лично к ней для переговоров по весьма важному делу. Имя отправительницы письма служило порукой тому, что дело действительно серьезно, и я немедленно отправился.

Княгиня в ту пору жила в одном из своих подмосковных имений.

Застал я ее взволнованной и расстроенной. Оказалось, что она стала жертвой дерзкой кражи. В уборной, примыкавшей к ее спальне, находился несгораемый шкаф, довольно примитивной конструкции.

В нем княгиня имела обыкновение хранить свои драгоценности, особенно дорогие ей по фамильным воспоминаниям. И вот из этого шкафа исчезли две нитки крупного жемчуга, кольцо с сердоликом и розовый бриллиант. Сердоликовое кольцо имело лишь историческую ценность, так как под его камнем хранился крохотный локон волос, некогда принадлежавший Евдокии Лопухиной – первой жене императора Петра Великого, кончившей свою жизнь, как известно, в монастыре по воле ее державного супруга. Один из Стрешневых, влюбленный в царицу Евдокию, выпросил у нее эту дорогую ему память. С тех пор эта реликвия переходила в роду Стрешневых от отца к сыну и наконец, за прекращением прямого мужского потомства, перешла к вызвавшей меня княгине.

Нитки жемчуга были просто ценностью материальной, что же касается розового бриллианта, то в нем соединялось и то и другое: с одной стороны, он был подарен в свое время царем Алексеем Михайловичем жене своей (в девичестве Стрешневой); с другой – он являлся раритетом в царстве минералогии.

Княгиня была чрезвычайно опечалена утратой этих дорогих ей вещей, но и не менее взволнована мыслью о виновнике этой пропажи.

«Горько, бесконечно горько, – говорила она мне, – разочаровываться в людях вообще, а особенно в тех, кому ты привыкла сздавна доверять. Между тем в этом случае мне приходится, видимо, испить эту чашу, так как и при самом покойном отношении к фактам, при самом беспристрастном анализе происшедшего, подозрения мои не рассеиваются и падают все на то же лицо. Я говорю о моем французском секретаре, живущем уже 20 лет у меня в доме. Как ни безупречно было до сих пор его поведение, тем не менее согласитесь с тем, что обстоятельства дела резко неблагоприятны для него: он один знал местонахождение пропавших вещей и вообще имел доступ к шкафу. Но этого мало: он вчера весь день пропадал до поздней ночи, что с ним случается чрезвычайно редко, и, более того, он упорно не желает говорить, где находился между 7-ю и 11-ю часами вечера. Согласитесь, это более чем странно?!»

Я счел нужным пригласить этого француза к себе в сыскную полицию для допроса. Секретарь оказался чрезвычайно симпатичным человеком, лет 45-ти, спокойным, уравновешенным, с лицом и манерами, не лишенными благородства, словом, с тем отпечатком во внешности, что так свойствен французам, – этим сынам многовековой культуры.

Он сказал мне, что крайне удивлен и опечален тем, что у княгини могла явиться, хотя бы на одну минуту, мысль об его виновности, но вместе с тем категорически отказался дать и мне объяснение своего времяпрепровождения накануне, между 7-ю и 11-ю часами вечера. Как я ни бился, как ни доказывал ему необходимость установления alibi, как ни уверял я, что все, им сказанное, не выйдет за пределы этих стен, что ни одно имя, особенно женское, им произнесенное, не будет скомпрометировано – все напрасно! Он готов был идти на всякие печальные последствия своего упорства, но решительно отказывался ответить на нужные мне вопросы.

Я так упорствовал, ибо чувствовал нервами, всем моим существом, что француз говорит правду и ни в чем не повинен.

Я убежден был, что в этом благородном человеке говорят соображения рыцарской чести, а не страх и желание замести свои преступные следы.

Но, увы! Начальник сыскной полиции не может руководствоваться лишь внутренним своим убеждением, не может он не считаться с конкретными фактами, а потому и в данном случае не в силах моих было немедленно вернуть свободу симпатичному французу, и, волей-неволей, я передал его в руки следователя, высказав при этом последнему свои соображения. Следователь оказался упрямым, ограниченным человеком и, ухватясь за факт скрывания нескольких часов, неизвестно где проведенных накануне французом, порешил арестовать его. И бедный секретарь был препровожден в тюрьму.

Передав это неприятное дело следователю, я тем не менее поручил моему чиновнику Михайлову по возможности выяснить условия и домашний быт служебного персонала княгини. Через несколько дней Михайлову удалось натолкнуться на следующую подробность. Месяца три тому назад княгиней был уволен лакей, Петр Ходунов, прослуживший у нее 8 лет и пользовавшийся ее доверием. Этот лакей не раз путешествовал в штате княгини, следуя за ней за границу на ее собственной комфортабельной яхте.

Был чрезвычайно дисциплинирован, кроток и смирен. Княгиня настолько доверяла ему, что бывали, по ее же признанию, случаи, когда она приказывала Петру открывать заповедный нескороаемый шкаф и то приносить, то прятать в него те или иные драгоценности.

Уволен он был по довольно странной причине: оказалось, что этот смиренный, трезвый человек принялся вдруг без всякого видимого повода грубить, пьянствовать, манкировать службой, словно нарочно напрашиваясь на увольнение.

Все это показалось мне странным.

Петр Ходунов не числился в штрафных списках сыскной полиции, на всякий случай я навел справку о судимости и по изданию Министерства юстиции, и каково было мое удивление, когда по нему оказалось, что Петр Ходунов, такой-то губернии, уезда, волости и деревни, дважды судился за кражи и отбывал за них тюремное заключение.

Я немедленно кинулся его разыскивать. Это не представило труда, так как адресный стол дал точную о нем справку.

Но здесь на меня напало раздумье: арестовать-то я его арестую, но что же из этого выйдет? Он, конечно, от всего отопрется, скажет, что целых три месяца как не служит у княгини и, во всяком случае, вещей не выдаст, а предпочтет терпеливо отсиживать, благо в прошлом он уже натренирован в этом отношении.

Я предпочел установить за ним наблюдение, поручив его двум агентам.

Дня два они наблюдали за ним, донося, что Петр Ходунов ведет довольно рассеянную жизнь, видится со многими людьми, пьянствует по трактирам. Как вдруг на третий день агенты прибегают и сконфуженно признаются, что «упустили» Ходунова где то в Лефортове.

По всем данным, заметив за собой наблюдение, он ловко перехитрил их и... бесследно скрылся.

Что оставалось делать?

Разбравшись моих неловких людей, я немедленно нагрянул на квартиру Ходунова с целью производства обыска, а при случае и ареста последнего. Хотя на арест я мало надеялся, так как между потерей из вида Петьки моими агентами в Лефортове и моментом нашего прибытия на квартиру прошло часа три, т. е. промежуток времени более чем достаточный для того, чтобы заподозривший беду мог вернуться домой, забрать украденное и исчезнуть бесследно.

Ходунов занимал квартиру в две комнаты с кухней; одну из них он сдавал сапожнику, а в другой жил с какой-то Танькой и ее матерью. Петьку мы, конечно, не застали, но бросилось мне в глаза не совсем обычное поведение женщин: при нашем появлении они ничуть не рас-

терялись, словно ждали нас, и перекинулись даже, как показалось мне, насмешливым победоносным взглядом. Держали они себя весьма вызывающе. Тщательный обыск ничего не дал, но так как женщины, а с ними и сапожник, ввали напропалую, утверждая, что Петька вот уже три дня как исчез неизвестно куда, между тем как люди мои, ведя наблюдение, еще сегодня «приняли» Ходунова с квартиры, то я решил арестовать всю троицу, препроводив ее к себе и оставив засаду на квартире на случай, хотя и маловероятный, Петькиного прихода.

Я принялся за допросы. Мать оказалась довольно забитым существом, тупым и неграмотным, решительно все отрицавшим. Роль ее была, очевидно, пассивной; а так как к тому же она оказалась больной, страдая кровотечением, то я счел возможным отпустить ее домой под охраной агента. Дочь была в другом духе: шустрая, разбитная, хорошо грамотная, бывалая. Так же, как и мать, все отрицая, она симулировала, и довольно удачно, возмущение по случаю ареста, обещая даже кому-то и куда-то жаловаться. Ее я задержал при сыскной полиции. Сапожник отвечал то же:

– Знать – не знаю, ведать – не ведаю!

Но быстро сдал свои позиции, лишь только я прикрикнул:

– Ах, не знаешь?! Ну, и будешь сидеть, пока не разыщем Петьки. Да и за укрывательство вора еще отсидишь особо.

– Ну, во-о-о-т?! Ваше высокоблагородие, стану я сидеть из-за всякого г... Нет, уж вы, пожалуйста, отпустите, а я что знаю, то скажу.

– Где Петька?

– Этого не знаю; но действительно, за час до вашего прихода на квартиру Петька примчался что шальной, схватил баульчик, попрощался с бабами, что-то сказал про депешу тете Кате (это, стало быть, сестра старухи) да и был таков.

– Где же живет эта тетя Катя?

– Вот этого, ей-богу, не знаю.

– Ты давно снимаешь комнату у Петьки?

– Третий месяц пошел.

– Не замечал ли какой-нибудь разницы в их жизни за последнюю неделю?

– Действительно, прежде они жили беднее, а последнее время загуляли. И гости, и пьянство, и харча стала другой. Третьего дня и меня угостили на славу; опять же и Таньке он золотые сережки вчерась подарил.

Я освободил сапожника и препроводил его домой под засаду.

Хорошо было бы разыскать эту «тетю Катю», думалось мне.

Хотя, с другой стороны, и она не выдаст Петьки, если только заинтересована в деле. Во всяком случае, об этом надо подумать.

На следующий день мне доложили, что мать просит разрешения прислать арестованной дочери пищу и смену белья.

В наших полицейских камерах кормили хорошо и обильно, а посему арестованные, конечно, не нуждались в собственном продовольствии, но я не препятствовал подобным просьбам, требуя лишь внимательного и предварительного осмотра «передач». Так было и в данном случае, с той лишь разницей, что Танькину передачу я пожелал видеть лично. Она оказалась скромной: горшок щей, круглая, дома испеченная булка да чистая сорочка.

Я в раздумье уставился на изрезанную и общипанную булку; как вдруг мне пришла в голову мысль.

Взяв крохотный листочек бумажки, я мелкими каракулями карандашом на одной ее стороне написал: «Тетей Катей от Петьки получена депеша. Спрашивает, как ему быть?»

Эту записку вместе с огрызком обшлюявленного карандаша я приказал запечь в особо состряпанную для сего булку и передать ее Таньке вместе с домашней ее корзинкой, щами и рубашкой.

На следующий день, при отдаче Танькой пустого горшка и грязной сорочки, в рубце ее подола мои люди нашли зашитый ответ, написанный ею на моей же бумажке. Он был таков: «Вели тете Кате послать Петьке депешу в Нижний Новгород (следовало название улицы и гостиницы), написав, что я под замком».

Вечером в сопровождении двух агентов я выезжал с курьерским поездом в Нижний.

Остановясь в гостинице «Россия», я вызвал туда начальника местного сыскного отделения. По его словам, Петькино пристанище оказалось скверненькими меблированными комнатами где-то за Окой, но имевшими для нас то преимущество, что содержал их старик, некогда служивший в сыскальной полиции и не порвавший и донныне с ней связи. Он не раз оказывал услуги местному начальнику, сообщая о подозрительных типах, посещавших его комнаты.

Я решил поговорить с ним.

– Скажите, проживает у вас Петр Ходунов?

– Как же-с, третий день занимает номер.

– Что он у вас делает?

– Да черт его знает! Уходит с утра, пропадает весь день, а к вечеру возвращается с ярмарки пьяным.

– Послушайте! Вы сами прежде служили по сыскальному делу, так, понимаете, вы можете нам помочь.

– С превеликим удовольствием! – отвечал старик, оживляясь, как старый боевой конь при звуках знакомого сигнала.

– Скажите, не имеется ли свободного номера рядом с Ходуновым?

– Как раз сегодня освободился.

– Вот и прекрасно! Мои люди его займут. А как стены между ними, толсты?

– Какое там! Дощатые, можно сказать, перегородки.

– Сейчас Ходунова нет дома?

– Нет, ушел с утра и, наверное, до ночи не вернется.

– Отлично! Вы вот что, голубчик: сейчас же просверлите в стене пару дырочек да замаскируйте их хорошенько, вбейте, что ли, рядом гвоздей, а я отправлю к вам двух «пассажиров».

– Слушаю-с...

Через час двое приезжих, купеческой складки, с чемоданчиками в руках, поторговавшись, заняли соседний с Ходуновым номер. В просверленные в стене отверстия они осмотрели Петькино помещение и видели вечером, как полупьяный Петька, придя к себе, быстро разделся, вынул из карманов два свертка, один маленький, другой побольше, и, спрятав их под подушку, завалился спать.

На следующее утро один из моих агентов докладывал мне по телефону в «Россию»:

– Петька встал, помылся, оделся и, вынув из-под подушки нечто, спрятал один сверток в карман пиджака, а другой, маленький, бережно развернул, повернулся к окну и, вынув двумя пальцами его содержимое и прищурился, поглядел на свет. В пальцах его засверкал розовый камень. После этого Петька, самодовольно улынувшись, снова завернул камень в бумажку и спрятал его в нижний, правый жилетный карман. Затем, торопливо присев, написал какое то письмо, заклеил конверт и, видимо, собирается уходить.

– Ни на минуту не спускайте с него глаз и передайте это мое приказание агентам наружной охраны. Помните, что вы лично отвечаете мне за точное исполнение этого поручения.

Я сейчас же помчался за Оку и по дороге встретил моих подчиненных, зорко следящих за каким-то впереди них идущим субъектом.

Незаметно присоединясь к ним, я последовал за Петькой.

Последний быстро шел и привел нас к главному ярмарочному зданию, где во время ярмарки помещался почтамт. Ходунов взошел в него.

Мы последовали за ним. Вместе с нами вошло человек 10 из местной агентуры. Петька подошел к окошечку, купил марку, наклеил ее и направился к ящику, чтоб опустить письмо. В этот самый момент я подошел к нему и крикнул на весь почтамт:

– Стой! Я начальник Московской сысшной полиции. Подавай бриллиант!

Петька опешил, разинул рот и, наконец, пролепетал:

– Что вам угодно? Какой бриллиант?

– А тот самый, что лежит у тебя в правом жилетном кармане! – и с этими словами я запустил пальцы в его жилет и, быстро освободив камень от бумажки, высоко поднял его над головой. В пальцах моих засверкал бледно-розовый камень, цвета нежной, румяной зари. По оцепеневшему на миг почтамту прошел изумленный гул голосов. Петька окончательно растерялся.

– Господи! Да откуда же вы все это узнали? Вот чудеса-то?! Берите уж и жемчуг, все равно от вас не скроешь! Насквозь видите! Ну и дела! Вот так штука!

– Где сердоликовое кольцо?

– Вот чего нет – того нет, господин начальник!

– Куда дел?

– Продал вчера здесь, на ярмарке, персу. Да оно ничего не стоит, пять рублей получил...

– Веди сейчас же к персу!

Лавка перса была указана, и кольцо от него отобрано.

Итак, вор был арестован и все вещи найдены. Вечером под конвоем Петька был отправлен в Москву, а я на радостях пожелал со своими двумя московскими служащими отпраздновать удачу. С этой целью мы отправились вечером в ярмарочный кафешантан.

Только русский человек дореволюционной эпохи может иметь понятие о том, что представлял из себя Нижегородский шантан в период ярмарки. Русский безбрежный размах подгулявшего купечества, питаемый и воодушевляемый сказочными барышами, зашибленными в несколько дней; шальные деньги, энергия, накопленная за год и расточаемая в короткий промежуток времени, – вот та среда и атмосфера, в каковой я очутился. О моем пребывании в ресторане каким-то образом узнали, и едва успели мы занять столик у эстрады и проглотить по стакану сухого монополя, как стал я замечать, что не только с соседних, но и отдаленных столиков потянулись к нам шеи и головы. Сначала на нас посматривали с осторожным любопытством. Но по мере того как опустошались бутылки, застенчивость пропадала и нам стали улыбаться, подмигивать, поднимать бокалы и пить за наше здоровье, а то и попросту указывать пальцами. Наконец, в зал ввалился из кабинета какой-то сильно подвыпивший купец и с бокалом в руках, обратясь ко всем вообще и ни к кому в частности, заплетающимся языком, но громовым голосом произнес:

– Православные! Знаете ли вы, кто присутствует среди нас? Не знаете? Так я вам скажу... Мой земляк, мы оба из Москвы, господин Кошков! Во-о какие осетры водятся в нашей Белокаменной! Он да я – это не то что ваша нижегородская мелюзга! Слыхали поди, как сегодня он в почтамте подошел к жулику да и говорит прямо: «Скидывай сапог! У тебя промеж пальцев зеленый бриллиант спрятан!»

Что бы вы думали? Так и оказалось все в точности! Этакого человека мы должны ублажать. Он охраняет наши капиталы от всякой шантрапы и пользу нам великую приносит!

Слова пьяного москвича послужили сигналом: меня тотчас же окружили, кто жал руки, кто лез целоваться.

Какой-то особенно экспансивный и не менее пьяный субъект вывернул огромный бумажник и заорал:

– Может, деньги нужны? Бери без стеснения, милый человек! Бери, сколько хошь...

Другой ввел в зал оркестр, заигравший туш. Заорали «ура!».

На шансонеток, съехавшихся со всех концов Европы, посыпался дождь сторублевых бумажек, и пошел пир горой, неудержимый, дикий, не знающий границ ни в тратах, ни в сумасбродствах, – словом, тот пир, о масштабах и размахе которого не могут иметь и не имеют хотя бы приблизительного понятия все те, кто не родился с русской душой.

Оглушенный, растроганный и в полном изнеможении вернулся я к себе в гостиницу.

На следующее утро я покинул Нижний и возвратился в Москву.

Вызвав к себе Таньку, я сказал ей:

– Ну, полно ломаться! Говори же, где Петька?

– Ой, да что вы, господин начальник, все о том же. Я говорила уже много раз, что ничего о нем не знаю.

– Так-таки ничего не знаешь?

– Разрази меня Господь! Не сойти мне с этого места! Лопни мои глаза! Ничего не знаю!

– И глаз своих не жалеешь?

– Да, господин начальник, пусть лопнут, ежели вру!

Я, не торопясь, вынул из кармана бриллиант, развернул бумажку и издали показал его ей.

– А это видела?

Танька вспыхнула и прошептала: «Видела».

Я взял мою записочку с ее надписью на обороте.

– А это видела?

– Я писала, – чуть слышно прошептала Танька.

– То-то и оно!.. А говоришь – «лопни мои глаза»! Ведь записочку-то я тебе послал, я же и ответ твой из рубашки расшил!

Эх ты, Танька, Танька! Сама же своего Петьку выдала!

С Танькой сделалась форменная истерика.

Возвращая похищенные вещи княгине Шаховской-Глебовой-Стрешневой, я заметил в ней не только радость, но и немалое смущение.

– Господи, как это ужасно! А я-то заподозрила этого честнейшего и ни в чем не повинного человека! Как взгляну я теперь ему в глаза?

Как взглянула княгиня в глаза своему верному французу – мне неизвестно. Но образ этого рыцаря надолго запечатлелся в моей памяти.

Васька Смыслов

Ваську Смыслова Московская сыскная полиция знала прекрасно.

Он уже несколько раз нами арестовывался за мелкие кражи; но, отбыв тюремное наказание, снова принимался за свое «ремесло».

Как-то дня через два после довольно значительной кражи в одной из квартир на Поварском, кражи, еще не раскрытой, вдруг раздается звонок по моему служебному телефону. Я подхожу:

– Алло! Кто говорит?

– Это вы, господин начальник?

– Я.

– Желаю вам здоровьица, с вами Васька Смыслов говорит.

– Здравствуй, Васька, что скажешь?

– А ваши-то дураки третьева дня опять меня прозевали!

– Ну-у?! Врешь!..

– Ей-богу! Ведь на Поварском-то моя работа!

– Ну, что же? Везет тебе, Васька, но только смотри, не попадись!

– Ну уж нет, господин начальник, теперь мы наловчившись, не поймают, шалишь!

– Ох, Васька, смотри не бахвалься!

– Будьте без сумления, не попадусь!

И Васька повесил трубку.

Смыслов был жизнерадостным малым с хитринкой и, как ни странно, с большим добродушием. Он, видимо, не лишен был и юмора и, чувствуя весь комизм моего положения, принялся с этого дня звонить мне всякий раз после удачно совершенной кражи. Стянув благополучно в одном из ювелирных магазинов на Кузнецком мосту несколько часов, при помощи выдавленного стекла в витрине. Васька звонил:

– А это опять я, господин начальник! Что, чисто сработано на Кузнецком?

– Да что и говорить, молодец! Комар носа не подточит...

– То-то и оно, а вы говорите – поймаете, да ни в жисть!

– Поживем, Васька, увидим!

– Да и смотреть нечего! Сказал – не поймаете.

Сделав паузу, Васька продолжал:

– А вот что я вам скажу, господин Кошкин, подготавливаю я здесь дельце покрупнее, как сработаю, беспременно вам позвоню.

– Ох, Васька, лучше не звони, дразнишь ты меня!..

Васька хихикнул в трубку от удовольствия:

– Ничего, господин начальник, уж вы потерпите, это вам полезно!..

И Васька дал отбой.

Создавшееся глупое положение начинало меня изводить. Я был уверен, что Васька сдержит обещание, и решил принять меры.

Мною было отдано следующее распоряжение: лишь только я тремя долгими звонками позвоню из своего кабинета в дежурную комнату, дежурный чиновник немедленно должен броситься к одному из свободных телефонов и тотчас же справиться на центральной станции о номере, разговаривающем в данный момент с начальником сыскной полиции. В это же время на другого чиновника возлагалась задача раскрыть имеющийся при полиции порядковый регистратор телефонных номеров с указаниями против каждого номера адреса абонента. Третий же чиновник с двумя агентами должен будет в это время одеваться и, получив адрес от первых двух, немедленно мчаться на дежурном автомобиле к указанному месту.

Двое суток мы ждали Васькиного звонка. Наконец, на третий день меня кто-то вызвал по телефону, и, подойдя к аппарату, я услышал Васькин голос. Держа трубку в правой руке, левой я нажал электрическую кнопку на письменном столе и дал три долгих звонка.

Теперь вся задача сводилась к тому, чтобы в течение известного времени занять Ваську достаточно интересным для него разговором, не возбуждая при этом его подозрения.

Васька начал, как всегда:

– Я обещался позвонить вам, господин начальник, вот и звоню.

– Скажи, Васька, а как ты не боишься мне звонить? Вдруг я узнаю, откуда ты звонишь и по номеру телефона открою твое местожительство.

Васька выразительно свистнул:

– Не на такого напали. Что я за дурак, что стану звонить вам от родных или знакомых. В Москве, слава те Господи, телефонов в любом подъезде, а Москва-матушка велика. Подите-ка, ищите!..

– Да ты, я вижу, Васька, башковит!

– Ничего-с, Господь головой нас не обидел. А ночью нынче мы опять поработали, на Мясницкой. Чай, слышали? Да только взяли самую малость!

– Нашел чем хвастать! Великое дело, подумаешь! А вот слышал ты, что этой же ночью было на Тверской?

– Нет, не слышал, а что, господин начальник? – И в голосе Васьки зазвучало любопытство.

– То-то и оно, что ты, Васька, на мелочи размениваешься, а настоящего дела и не видишь!

– Да что же такое? Скажите ж!

– А то, что на Тверской ювелирный магазин дочиста обобрали.

– Да ну-у?!

– Вот тебе и да ну-у...

– И много взяли, господин начальник?

– Да, говорят, тысяч на триста.

– Ишь, черти... – И в голосе Васьки послышалась зависть.

– А как ты полагаешь, Васька, чьих рук дело?

Васька подумал и сказал:

– Не кто другой, как Сережка Кривой.

– А кто это Сережка Кривой?

– Неужто не знаете? Да что с Танькой Рябой хороводится.

– Таньку Рябую знаю.

– Ну, вот, они вместилах и орудуют.

– А давно ты видел Сережку Кривого?

– Да с неделю, пожалуй, будет.

– Послушай, Васька, ты бы узнал мне, где теперь Сережка; зато когда и попадешься, так я тебе твоей услуги не забуду и всякое снисхождение сделаю.

– А и впрямь, не поискать ли? – задумчиво сказал Васька, но потом добавил: – А только не найтись!

– Почему же?

– Да вы, господин начальник, говорите, триста тысяч, разве при таких деньгах он останется в Москве? Поди, теперь и след его простыл!..

Васька хотел еще что-то добавить, но вдруг как-то вскрикнул, трубка защелкала у меня в ухе, и я понял, что Васька пойман.

Через четверть часа он уже был у меня в кабинете.

– Ну, что, Васька, чья взяла? Кто кого перехитрил?

– Да уж ловко сделано, слова не скажу, господин начальник!

Васька почесал в затылке, помялся и неуверенно сказал:

– А позвольте вас спросить насчет 300 тысяч, это вы зря, для обману говорили?

– Конечно, для обмана. Нужно было занять тебя интересным разговором.

Васька восхищенно закатил глаза в потолок, ударил себя кулаком в грудь и с чувством промолвил:

– Ну, и ловкач же вы, господин Кошкин!!

Коммерческое предприятие

В 1908 или в 1909 году я получил из Главного управления почт и телеграфов извещение, что за последние месяцы многие города России наводнены искусно подчищенными почтовыми марками, семи и десятикопеечного достоинства. Подчистка настолько совершенна, что лишь при сильной лупе может быть обнаружена.

Есть основание предполагать, что в этом мошенничестве орудует хорошо организованная шайка, разбросавшая сети чуть ли не по всей России.

Ходят смутные слухи, что центр организации находится в Варшаве.

Получив эти сведения, я приказал агентам обойти каждому в своем районе все табачные, мелочные и пр. лавочки, где, по установившемуся издавна обычаю, продавались марки.

Москва велика, а посему операция эта заняла немало времени.

Вместе с тем я обратил внимание на то, что за последнее время появилось множество объявлений в газетах от имени коллекционеров, предлагавших скупать старые марки. Поэтому я порешил произвести обыски и у этих коллекционеров, впрочем не давшие ничего, кроме огромных запасов старых марок.

Во многих табачных и мелочных лавках агенты мои, вооруженные специально для них приобретенными лупами, обнаружили, отобрали и принесли мне марки, казавшиеся им подозрительными, каковые я принялся внимательно разглядывать.

Подчистка была идеальна: не только ни малейших следов старых штемпелей, но полная сохранность по краям зубчиков, неприкосновенность клеевой массы и т. д. Единственно при сравнении двух марок – новой и подчищенной, – в последней краска была чуть-чуть бледнее и казалась слегка выцветшей. Разница была столь ничтожна, что пришлось партию этих марок отправить в Главный почтамт на экспертизу, где лишь и была окончательно установлена их непригодность. Характерно, что марки эти попадались лишь поштучно и никогда целыми листами. Опрошенные лавочники-продавцы в один голос заявляли, что марки ими приобретены в почтовых отделениях и что о недоброкачественности их они и не подозревали. Один лишь из них, человек, видимо, крайне робкий, напуганный вмешательством властей, чисто-сердечно признал, что получил для своей лавки запасы марок от небезызвестного марочного коллекционера, проживавшего на одном из Козицких переулков, некоего Е. Получал он их от Е. со скидкой в 1 копейки со штуки.

Я командировал агентов к Е. При обыске у него подчищенных марок не нашли; но одно обстоятельство обратило на себя внимание моего помощника В. Е. Андреева, который был во главе обыска, это то, что в бумажнике Е. была найдена накладная на товар из Варшавы, причем товар, в ней обозначенный, оказался весьма оригинального свойства – мешок перьев! Зачем коллекционеру марок выписывать из Варшавы перья? Словно гусей, уток и прочей птицы мало в Москве? Этот Е. был арестован и препровожден в сыскную полицию. Сначала он отпирался; но, просидев двое суток в камере и будучи вызванным на очную ставку с табачным лавочником, его прежде назвавшим, а теперь признавшим, он перестал упираться, сознался во всем и широко пошел нам навстречу в деле раскрытия всей этой мошеннической махинации. Он рассказал следующее: месяца три тому назад является к нему какой-то человек, по виду еврей, продает ему несколько экземпляров довольно редких марок, долго болтает на разные темы и заканчивает свою беседу выгодным предложением: поставить ему партию прекрасно подчищенных 7-ми и 10-копеечных марок со скидкой трех копеек со стоимости каждой.

Тут же он показал свои образцы. «После долгих колебаний я соблазнился и изъявил согласие на аферу. Тогда мой искуситель назвал мне фамилию Зильберштейна, каковому и предложил писать в Варшаву до востребования. Мы списались, и вот время от времени я полу-

чаю от Зильберштейна партии марок, упакованные в мешки с перьями, что не дает возможности их прощупать».

– Как вы полагаете, – спросил я, – пришел ли по последней накладной мешок?

– Судя по времени, должно быть – да.

Я отправил человека с накладной на товарную станцию, и мешок был вскоре привезен. Мы высыпали перья, и среди них обнаружили до 10 тысяч марок. Они были сложены пакетами по 100 штук, и каждый из них был аккуратно перевязан голубой ниткой.

Не представляло труда, конечно, написать Зильберштейну от имени Е. письмо с заказом и арестовать его в Варшаве, в почтамте, в момент получения им корреспонденции до востребования; но марочное предприятие приняло всероссийский масштаб, требовало раскрытия и самого источника производства и полной его ликвидации. Между тем Зильберштейн мог оказаться лишь посредником, а не непосредственным работником и главой предприятия.

Все эти соображения заставили меня отказаться от мысли о немедленном аресте последнего, и я стал изобретать повод к поездке в Варшаву. В этом отношении мне помог все тот же арестованный коллекционер.

– Ничего не может быть проще! – сказал он. – Зильберштейн не раз предлагал мне в письмах приехать в Варшаву для обсуждения какого-то нового и весьма прибыльного дела. Я подозреваю, по его намекам, что речь идет о распространении подчищенных гербовых марок.

– Зильберштейн вас никогда не видел?

– Нет.

– Отлично! Сделайте паузу дня в три, а затем напишите ему, что готовы приехать в Варшаву для переговоров и просите указать вам точно место вашей будущей встречи.

Е. согласился исполнить это требование, но сказал:

– Вы видите, г. начальник, что я не только покаялся в преступлении, но и готов всячески содействовать раскрытию всего дела.

Будьте добры, освободите меня, я истосковался по дому!

Я был в затруднительном положении и решил посоветоваться с прокурором суда Арнольди.

– Не знаю, что и посоветовать вам, – сказал он мне. – При освобождении Е. он может бежать или испортить вам дело. Впрочем, делайте как хотите, Аркадий Францевич. Вам виднее.

– Я освобожу вас до суда, – сказал я Е., – но приставлю к вам двух агентов, несущих денно и ночью дежурство при вас.

– Помилуйте! Для чего эти предосторожности?

– Нет, уж вы извините, но они необходимы.

– Ну, что же, пусть будет так!

Дня через три Е. написал Зильберштейну до востребования. В этом письме он изъявлял согласие на переговоры о выгодном деле, но заявлял, что сам выехать не может, а готов приехать родного брата, каковому доверяет, как самому себе. Вскоре пришел ответ от Зильберштейна с подробным указанием дня, часа и места встречи.

Для свидания Зильберштейн выбрал Саксонский сад и скамейку как раз против входа в летний театр. Для большей точности он просил г. Е. держать в руках местную русскую газету «Варшавский дневник». Е. тотчас же написал о приемлемости времени и места, и я стал собираться в путь. К назначенному сроку я с двумя агентами выехал в Варшаву.

В условленный час я был в Саксонском саду на указанной скамейке и внимательно прочитывал широко развернутый «Варшавский дневник». Кругом меня никого не было, если не считать какой-то толстой еврейки с младенцем, сидящей напротив. Прошло полчаса – никого. Прошел час – никого. Я собрался было сокрушенно уходить, полагая, что нечто совершенно

непредвиденное задержало или напугало Зильберштейна. Как вдруг моя еврейка перешла площадку и под села ко мне. Немного помолчав, она с обворожительной улыбкой спросила меня:

– Скажите, мосье, вы русский?

– Русский.

– Уй! Люблю я русских, хороший, щедрый народ!

Я поклонился.

– Вы живете в Варшаве или приезжий?

– Приезжий, сударыня.

– Я так и думала! Вы не похожи на варшавянина. Вы из Петербурга?

– Нет, я из Москвы.

– Из Москвы?! – как бы удивленно улыбнулась она и, тотчас же прильнув к моему уху, прошептала: – Ну, так я уже вам покажу сейчас господина Зильберштейна!

Она повела меня на Трембацкую улицу, подвела к какому-то небольшому кафе и указала на столик у самого зеркального окна.

За ним сидел еврей, лет 40, рыжеватый, довольно прилично одетый.

Он взглянул на нас через окно и улыбнулся моей провожатой.

Я вошел в кафе и направился к Зильберштейну. Он приподнялся навстречу, и мы молча пожали друг другу руки. Сели.

– Мне очень приятно познакомиться с таким хорошим человеком!

Мы так хорошо работали вместе, вы всегда так аккуратно платили, словом, делать с вами гешефты – одно удовольствие!

Я улыбнулся:

– Да, собственно, вы работали не со мной, а с моим братом. Но это, конечно, все равно.

– Ну, и какая же разница? Ваш брат нам писал, что приедете вы, и я прекрасно знаю, что вы не господин Е., а его брат. Ну, не все ли равно?

– Положим, и моя фамилия Е., но, конечно, я лишь брат вашего покупателя, – и для большей достоверности я вытащил паспорт и раскрыл его перед Зильберштейном.

– Зачем мне ваш паспорт? Разве я сразу не вижу, с кем имею дело? – Тем не менее он запустил глаза в документ. – Знаете, господин Е., раньше чем разговаривать о делах, выпьем по келишку? Ну?

– Хорошо бы позавтракать сначала, я голоден.

– Можно и позавтракать! Отчего нам не позавтракать?

– Да, но здесь как-то неуютно! Пойдемте в какой-нибудь ресторан почище!

– Видно, господин Е., что вы настоящий аристократ, работаете, так сказать, на широкую ногу! – И Зильберштейн восхищенно на меня взглянул.

– Да, слава богу, пожаловаться не могу, обороты хорошие делаю!

– Ну, так знаете, что я вам скажу? Если мы договоримся, вы – миллионер! Поверьте слову Янкеля Зильберштейна!

– Ладно, ладно! Об этом после, г. Зильберштейн, а теперь бы поесть!

– Идемте, идемте, господин Е.! Я тут недалеко такой ресторан знаю, что останетесь довольны: такие фляки, такие зразы, такой Цомбер подают, что сам г. Ротшильд не забракует!

Зильберштейн привел меня в довольно приличный ресторан.

Выпили мы с ним рюмки по три старки, и мой еврей размяк.

– Какой вы симпатичный и компаньонный человек! С вами так приятно иметь дело! – восклицал он поминутно.

Мы принялись за завтрак.

– Знаете, г. Е., я такое, такое дело хочу вам предложить, что если до сих пор мы зарабатывали копейки, то на новом гешефте будем зарабатывать рубли!

– Да, вы в одном из ваших писем намекали; я хорошенько не уверен, но мне показалось, что вы имеете в виду гербовые марки?

– Юдишер копф! – восхищенно воскликнул Зильберштейн. – Да, я именно об этом и «намекивал». Вы только подумайте, разница-то какая! Пятирублевые, десятирублевые, наконец, Боже ты мой, сорокарублевые марки! Вы понимаете меня?

– Отлично понимаю! Но прежде чем говорить, нужно и на товар посмотреть.

– Пхе, само собой! Кто же заглазно товар покупает? Да еще такой деликатный?

– Вот я про то и говорю. Покажите образцы, а то и само предприятие, чтобы я мог судить как о качестве, так и о солидности и размахе дела.

– А вы надолго приехали в Варшаву?

– На несколько дней, во всяком случае, в зависимости от того, сколько потребует дело.

– Ну, так нечего и торопиться! Я переговорю со своим компаньоном, и завтра мы вам покажем и образцы, и если он только согласится, то и самую выделку. Я хоть сейчас готов вас повезти, да приходится считаться с ним, а он недоверчив и боязлив.

Однако после второй бутылки вина Зильберштейн проникся горячей ко мне любовью и патетически воскликнул:

– Да, что уж вас мучить, – вот вам образцы!

И он достал из бумажника несколько гербовых марок. Я принялся разглядывать эту не менее изумительную работу.

Подвыпивший Зильберштейн укоризненно воскликнул:

– Что вы делаете? Неужели вы невооруженным глазом думаете что-нибудь увидеть?! Да возьмите же, господин Е., лупе, лупе возьмите, вот она! – И он протянул мне лупу.

– Благодарю вас, у меня есть лупа. Я сначала желаю получить общее впечатление.

Поглядев со всех сторон марки, я затем принялся их исследовать и через лупу. Наконец, оторвавшись от этого занятия, я солидно промолвил:

– Товар хорош, без изъяна, ничего не скажу, даже удивительно!

Зильберштейн самодовольно улыбнулся.

– Вы, быть может, думаете, что Зильберштейн вам хвастает и показывает настоящие марки?

– Нет, я этого не думаю. Но, разумеется, для крупного заказа мне нужна твердая вера в серьезную техническую постановку. Ведь каждую марку не осмотришь. Быть может, г. Зильберштейн, вы переговорите с вашим компаньоном и как-нибудь устроите это?

– Хорошо, господин Е. Будьте завтра в час дня на Праге: там, на такой-то улице, в доме № 43, имеется маленький ресторанчик, хотя и грязненький, посещаемый больше фурманам, но надежный во всех отношениях. Я познакомлю вас со своим компаньоном, и, быть может, он и согласится вам показать кое-что.

На этом мы и порешили.

Я позвал лакея и потребовал счет.

– Мы с вами будем рассчитывать на немецких началах, – сказал мне Зильберштейн. – Я заплачу за то, что я кушал, а вы за то, что сами скушали.

– Ну, что там считаться! Для такого приятного знакомства заплачу я за все.

– Для чего же это? – слабо запротестовал Зильберштейн. – Лучше бы на немецких началах?

– Ладно! Завтра заплатите вы, вот и выйдут немецкие начала.

Мы вышли. Зильберштейн долго тряс мне руку, объясняясь в любви, превозносил мою щедрость. Но, наконец, мы расстались, и я отправился к себе в гостиницу.

Пробыв в ней часа два, я к вечеру вышел и с наступившими сумерками отправился в местную сыскную полицию. Я обратился к Ковалику, начальнику Варшавского отделения. Рассказав ему кратко, в чем дело, я просил его дать мне назавтра к часу двух агентов, переодетых

фурманами (извозчиками), для наблюдения за Зильберштейном и его сообщником. К варшавским агентам я присоединил своих двух, привезенных мною из Москвы.

На следующий день, ровно в час, я входил на Праге в грязенький ресторанчик, где у стойки толпилась уже куча людей крайне пролетарского вида. Вскоре к ним присоединился и один из агентов – извозчик. Не успел я занять в соседней, «чистой», комнате столик, как пожаловали Зильберштейн и его спутник. Зильберштейн радостно меня приветствовал и познакомил с компаньоном, называя его Гриншпаном. Мы заказали какую-то еду.

Гриншпан резко отличался от Зильберштейна. Насколько последний был доверчив и экспансивен, настолько первый казался осторожным и скрытным. Несколько раз в течение завтрака Зильберштейн одергивался и обрывался Гриншпаном. Так было, когда Зильберштейн в порыве восхваления своего товара хватался за бумажник, желая вынуть новые образцы. Так было и тогда, когда Зильберштейн, увлеченный размерами будущих барышей, признавался, что масштаб их работы – всероссийский.

Поговорив с час, я в принципе изъявил согласие принять широкое участие в сбыте гербовых марок в Москве, но при условии хотя бы некоторого введения меня в курс дела и техники производства.

Осторожный Гриншпан не дал окончательного ответа, но просил завтра еще раз явиться в этот же ресторан, где он и обещал окончательно объявить о своем решении. Очевидно, за предстоящие сутки он намеревался навести обо мне справки в гостинице, а может, и понаблюдать за мной и моими прогулками по Варшаве.

Мы вышли из ресторанчика, долго прощались у подъезда; но, убедившись, наконец, что мои люди и оба извозчика тут, я расстался с мошенниками и направился к себе. Опасаясь за собой слежки осторожного Гриншпана и боясь провалить дело, я решил в этот день не выходить больше из гостиницы. Поздно вечером зашел ко мне один из моих агентов и доложил, что все они внимательно весь день следили за обоими субъектами и точно установили, что проживают они на окраине Праги при переплетной мастерской с вывеской: «Переплетная мастерская Я. Гриншпана». В течение дня они несколько раз выходили и приходили обратно, и, наконец, один из них, поменьше ростом (Зильберштейн), вернулся в последний раз в 9 часов, после чего они переплетную закрыли, а в боковых от нее окнах появился свет.

Тут же вечером я получил из Москвы срочную телеграмму от своего помощника, извещавшую меня о кровавом убийстве и ограблении в одной из квартир Поварского переулка, а потому, торопясь вернуться, я решил форсировать события и, не дожидаясь завтрашнего свидания, произвести немедленно обыск в переплетной, тем более что все говорило за то, что производство марок организовано там же: оба сообщника живут вместе, прикрываются вывеской переплетной мастерской, т. е. декорацией удобной, так как этого рода мастерство требует и бумаги, и клея, и всяких инструментов для тиснения, быть может, пригодных и для подчистки и вырезывания марок.

Я позвонил Ковалику и сообщил ему о моем решении немедленно произвести обыск. Он пожелал принять в нем участие, и мы, с его и моими агентами, направились на Прагу. Постучавшись в переплетную, мы не получали долго ответа. Мы стали барабанить сильнее, и, наконец, за дверью послышался испуганный мужской голос:

- Кто там?
- Открывайте, полиция!
- Ой, вей! Какая полиция? Что вам угодно, г. обер-полицеймейстер?
- Открывайте немедленно, или мы выломаем дверь!

Угроза подействовала, и трясущийся от страха Зильберштейн в пантуфлях раскрыл двери. Мы быстро вошли в комнату – мастерскую.

Тут был прилавок, верстак, стол и две табуретки; в стороне виднелась кровать, на которой приподнялся навстречу нам всклокоченный Гриншпан. В соседней комнате была столовая,

а еще дальше комната супругов Зильберштейн, вернее, – Гриншпан, так как Зильберштейн оказался родным братом Гриншпана, присвоившим себе чужую фамилию, прикрываясь которой он и получал всю корреспонденцию до востребования. При нашем, а в особенности моем появлении первые слова Гриншпана, обращенные к Зильберштейну, были:

– Ну что, Яша? Не говорил я тебе?!

Мы приступили к обыску, но, к тревоге моей, ни в мастерской, ни в столовой мы ровно ничего не обнаружили. Оставалась третья комната, спальня супругов. Из нее неслись какие-то подвывания, стоны и охи.

– Господа полиция, не входите, пожалуйста, туда! Там моя больная жена, – обратился к нам Зильберштейн.

– Невозможно! Мы обязаны осмотреть все помещение, – отвечали ему.

– Ну, только, пожалуйста, потихоньку и поскорее!

– Ладно, ладно, не беспокойтесь!

Мы вошли в спальню. На широкой кровати корчилась жирная еврейка, оглашая комнату криками.

– Что с ней? – спросил я Зильберштейна.

– Да то, что бывает с женщинами.

– Именно?

– Мадам Зильберштейн «ждет»...

– Чего же она ждет?

– Маленького Гершке или Сарочку!

– Ах, во-о-от что!

Но корчи мадам Зильберштейн мне показались неестественными, ее и без того преувеличенные вопли аккуратно усиливались по мере того, как мы приближались к ее кровати.

– Уй, уй! Не трогайте меня! Чтобы ты сдох, Янкель! Ты виноват в моих муках. Ох! Ой!.. Она явно переигрывала роль.

Я предложил послать за акушеркой, прикомандированной к полиции.

– Зачем вам беспокоиться?! – заволновался Зильберштейн. – Тут рядышком живет хорошая акушерка, ну, мы ее и позовем.

– Нет уж, мы лучше свою выпишем.

– Уй! Ведь это так долго будет, а тут бы сразу!

– Ничего, потерпите! Мы на фурмане вмиг слетаем.

Обыск продолжался, а один из агентов поехал за полицейской акушеркой.

Черты стонущей еврейки мне показались как будто знакомыми.

Я взгляделся пристальнее и... ба! узнал мою вчерашнюю знакомую по Саксонскому саду. Не подав вида, я спросил у Зильберштейна:

– Давно ваша жена так мучается?

– Ух! Уже две недели как не сходит с кровати. Все схватка: то отпустит на минуточку, то опять! Она очень, очень страдает!

Еврейка, услышав мой вопрос и ответ мужа, принялась выть еще громче. А затем, повернув ко мне голову, умирающим голосом промолвила:

– И знаете, я иногда прошу смерти у Бога, до того мне бывает швах. Уй, уй! Вот опять началось! Уй!

– Да, госпожа Зильберштейн, вы сегодня чувствуете себя много хуже, чем вчера в Саксонском саду, – сказал я спокойно.

Г-жа Зильберштейн сразу перестала стонать, быстро повернула голову в мою сторону и впиалась в меня своими сирийскими глазами.

– Ну, что вы хотите этим сказать? Ну, да! Сегодня хуже, а вчера лучше. Вот и сейчас лучше, гораздо лучше! Я даже, пожалуй, и встану!.. – И госпожа Зильберштейн опустила свои толстые ноги с кровати на пол.

Когда вернулся агент с акушеркой, она решительно отказалась от медицинского осмотра и, накинув на плечи капот, отошла в сторону.

Мы внимательно осмотрели и ощупали всю кровать, но... ровно ничего не нашли. Не более удачными оказались выстукивания стен, особенно той, что прилегала к отодвинутой теперь кровати.

Вдруг один из агентов, производивший обыск в этой комнате, заявляет, что половицы пола, как раз на месте, где стояла кровать, как-то шатаются при нажиме. Их подняли, и под ними оказалась крутая лесенка, ведущая в глубину подвала. Принесли свечи, спустились вниз. Там оказался коридорчик в виде траншеи, сажени 2 длиной, а в конце его небольшая комната, эдак в 40 примерно квадратных аршин. Эта «катакомба» и оказалась местом «омолаживания» марок. Мы застали в ней двух спящих мастеров-евреев.

В одном углу стоял особый котел, где отваривались и отклеивались старые марки. Посередине комнаты был стол с чертежными досками, на которых высушивались и заново обмазывались клеем марки.

Но что интереснее всего – это то, что в наши руки попало несколько тысяч марок целыми листами. Тут же лежал один лист в работе, еще не законченный, и по нему мы имели возможность восстановить картину и способ его выделки. Оказывается, брались вычищенные и еще несколько влажные марки, раскладывались на чертежной доске клеевой стороной вниз по десять и двадцать штук в каждой стороне, в зависимости от желаемого размера квадрата.

Укладывались эти марки чрезвычайно тщательно, а именно так, чтобы краевые зубчики одной входили в промежутки зубчиков другой и образовывали этим самым как бы непрерывную общую массу.

После этого бралась узенькая (не шире миллиметра, а может, и менее) ленточка тончайшей папиросной бумаги длиной во весь лист и осторожно наклеивалась по сошедшимся зубчикам между рядами марок. Затем брался особый инструмент (тут же лежавший), напоминающий собой колесико для разрезания сырого теста, но отличавшийся от кухонного инструмента тем, что по краям этого колесика (перпендикулярно периферии) торчали частые и острые иглопочки. Если взять этот инструмент за ручку и прокатить колесико по обклеенному междумарочному пространству, то на нем опять пробьются дырочки, но ряды марок, благодаря оставшейся папиросной бумаге, окажутся плотно связанными друг с другом, и разве с помощью чуть ли не микроскопа вы различите эту поистине ювелирную работу.

Братьям Гриншпан ничего не оставалось делать, как сознаться.

Спасая свою шкуру, они выложили все. За 6 месяцев своей работы они успели раскинуть широкую сеть по всей России. В каждом крупном городе имелись и агенты, вербовавшие сбытчиков, и «коллекционеры», снабжавшие их старыми марками. Организация была настолько многолюдна, что перед Варшавской судебной палатой, где слушалось это дело, предстало несколько сот обвиняемых. К чему были приговорены хитроумные «предприниматели», – я не помню; но помню зато, что с чувством глубокого удовлетворения покидал я тогда Варшаву и возвращался в Москву, где жизнь не ждала и продолжала являть миру все новых и новых горе-героев.

Тяжелая командировка

Это случилось в Риге в начале девяностых годов, т. е. в бытность мою начальником – Рижского сыскного отделения.

В местном кафедральном соборе был украден крупный бриллиант с иконы Божьей Матери. Все обстоятельства дела говорили за то, что кража эта совершена церковным сторожем, проживавшим в подвальном помещении собора. Хотя обыск, произведенный у него, и не дал положительных результатов, но справка, наведенная о его прошлом, подтвердила мои подозрения, так как оказалось, что сторож судился уже однажды за кражу и отбывал за нее тюремное заключение.

Получив эти сведения, я порешил арестовать его.

Просидел он в полицейской камере дней 5, в течение которых я трижды его допрашивал. Но сколько я ни бился, как ни старался поймать на противоречиях, – ничего не выходило, он просто умолкал, не желая отвечать на вопросы.

Я попробовал было приняться за его жену, но баба оказалась хитрой, грубой, но не болтливой. Она не только отговаривалась полным неведением, но заявила мне прямо, что муж ее арестован не по закону, а зря.

Из этих допросов у меня окрепла лишь уверенность в их обоюдной виновности. Но что было делать? Как доказать ее? Как найти бриллиант? И вдруг меня осенила мысль!

Вспомнилось мне, что в комнате сторожа стоит большая двуспальная кровать, и я порешил ее использовать. Позвав двух агентов, я объяснил им план действия: завтра, по моему вызову, явится к 12 часам на допрос сторожика; продержу я ее с час, а они в ее отсутствие проникнут в помещение сторожа; один из них (Панкратьев) подлезет под кровать и зароется там в разном хламе и тряпье, замеченном мною еще при обыске, и пролежит под ней до 8 часов вечера, т. е. до моего прихода; другой же отмычкой приведет замки в первоначальный вид и удалится.

Сказано – сделано.

На следующий день я подробно допрашивал сторожика и, не добившись ничего, с мнимой досадой заявил ей:

– Черт вас обоих знает! Может, и правда – вы не виноваты!

Ладно, я выпущу сегодня твоего мужа, но помни, что вы оба у меня под подозрением.

Отпустив с допроса жену, я через час освободил и мужа, объявив ему, что освобождаю его по закону, хотя в душе считаю его виновным.

К 8 часам я с агентами явился к собору и постучал в комнату сторожа. Завидя нас, они заметались в панике. Я громко крикнул:

– Панкратьев, где бриллиант?

И вдруг, к неописуемому ужасу их, под кроватью что-то зашевелилось, и вылезший из-под нее взъерошенный Панкратьев радостно рывкнул:

– В дровах, господин начальник!

Наступила мертвая тишина.

– Ты слышишь? – обратился я к сторожу. – Подавай бриллиант!

– Да врет он, ваше высокоблагородие! Я ничего не знаю.

– Ну, Панкратьев, рассказывай, как было.

– Да что же, г. начальник, рассказывать. Залез я под кровать, пролежал с час, пришла женщина, за ней часа через два и мужчина.

Поставили самовар, сели чай пить, напились, и женщина говорит:

– Ты бы посмотрел, Дмитрич, все ли цело в дровах?

– Куда же ему деваться? – отвечает он.

Однако мужчина вышел наружу и вскоре принес полено. Поковыряли они его, поглядели, – все на месте.

Жена и говорит:

– Ты бы оставил его в комнате, оно вернее.

А он отвечает:

– Нет, не ровен час – опять нагрянут. Лучше отнести на прежнее место.

И отнес. Вернувшись, он принялся с женой сначала смеяться и издеваться над вами, а потом пошло такое, что лучше и не рассказывать, г. начальник. Они, сволочи, пружинным матрацем чуть мне всю рожу не расцарапали.

– Ну, что ты на это скажешь? – обратился я опять к сторожу.

– Все это им померещилось! Знать – не знаю, ведать – не ведаю и вас не ругал.

Пришлось искать в дровяных штабелях, что были выложены у задней стены собора. По свежим следам отыскали приблизительно место, и, рассмотрев и расколов сотни полторы полен, мы отыскали, наконец, драгоценный камень...

– Г. начальник, – говорил мне Панкратьев, – ради бога, не давайте мне больше таких командировок, а то я чуть было не подох: восемь часов отлежал под кроватью, да еще укутавшись грязным вонючим бельем и тряпками. Просто сил моих нет!

– Тьфу! – И он сочно сплюнул.

Дело Гилевича

Многолетний служебный опыт заставил меня выработать в себе привычку терпеливо выслушивать каждого, желающего беседовать лично с начальником сыскной полиции. Хотя эти беседы и отнимали у меня немало времени, хотя часто меня беспокоили по пустякам, но я не только выслушивал каждого, но и конспективно заносил на бумагу все, что казалось мне стоящим малейшего внимания.

Эти записи я складывал в особый ящик и извлекал их оттуда по мере надобности. Надобность же эта представлялась вовсе не так редко, как может подумать читатель. Как ни необъятен, как ни разнообразен преступный мир, но и он имеет свои законы, приемы, обычаи, навыки и, если хотите, – традиции. Преступные элементы человечества связаны более или менее общей психологией, и для успешной борьбы с ними весьма полезно отмечать все яркое, необычное, что поражает внимание. Словом, краткие отметки и записи, собираемые мною, не раз сослуживали мне верную службу.

Это особенно сказалось в деле Гилевича.

Началось оно так.

«Господин начальник, там какой-то студент желает вас видеть по делу, но, смею доложить, он сильно выпивши», – докладывал мне дежурный надзиратель в моем служебном кабинете в Москве, на Малом Гнездииковском переулке.

«Ладно! зовите!..»

Через минуту в комнату вошел студент. Неуверенным шагом он приблизился к письменному столу и тотчас же схватился руками за спинку кожаного кресла. Это был здоровый малый, в довольно потрепанной студенческой форме, с покрасневшимся лицом и с всклокоченными волосами. Он уставился на меня помутневшими глазами и улыбался пьяной улыбкой.

– Что вам угодно? – спросил я.

– Извините, господин начальник, я пьян, и в этом не может быть ни малейшего сомнения, – отвечал студент, – позвольте по этому случаю сесть?..

И, не ожидая приглашения, он плюхнулся в кресло.

– Что вам от меня нужно? – спросил я.

– И все... и ничего!

– Может быть, вы сначала выпитесь?

– Jamais! Я к вам по срочному делу.

– Говорите.

– Видите ли, господин начальник, я просто не знаю, как и приступить к рассказу, до того мое дело странно и необычно.

– Ну, ну, раскачивайтесь скорее: мне время дорого.

Студент икнул и принялся полузаплетающимся языком рассказывать:

– Прочел я как-то в газете, что требуется на два месяца молодой человек для исполнения секретарских обязанностей за хорошее вознаграждение. Прекрасно и даже очень хорошо! Я отправился по указанному адресу. Меня принял господин весьма приличного вида и, поговорив со мной минут десять, нанял меня, предложив сто рублей в месяц. Сначала все шло хорошо, но затем многое в его поведении мне стало казаться странным. Он как-то подолгу всматривался в меня, словно изучая мою внешность. Однажды же, поехав со мной в баню, он особенно внимательно разглядывал мое тело, а затем, самодовольно потерев руки, чуть слышно прошептал: «Прекрасное, чистое тело, никаких родимых пятен и примет...»

– Да-с, господин начальник, никаких пятен и примет, т. е. rien, не правда ли, удивительно?

Через несколько дней мы поехали с ним в Киев, остановились в приличной гостинице в одном номере.

Весь день мы бегали по городу по разным делам и покупкам, и когда к вечеру вернулись в гостиницу, то я, устав, пожелал отдохнуть.

Разделся и лег. Патрон мой сел было писать письмо, а затем говорит мне вдруг:

«Примерьте, пожалуйста, мой пиджак, и если он вам впору, то я охотно его вам презентую».

Я примерил, и, представьте, пиджак оказался сшит как на меня. Мой патрон остался очень доволен и тут же подарил его мне. Наконец, я заснул. Сколько я спал – не знаю, но вдруг просыпаюсь под тяжестью устремленного на меня взгляда. Приоткрывая глаза, вижу, что патрон мой пристально на меня смотрит.

Я снова зажмурился, но настолько, чтобы иметь все же возможность наблюдать за ним. Прошло минут десять, в течение которых он не отрывал от меня взора. Тогда я принялся нарочно похрапывать, и он решил, видимо, что я сплю, тихонько встал, подошел к чемоданчику, стоявшему у его кровати, и вынул из него пару длинных ножей. Понимаете ли, господин начальник, пару длинных ножей, вот таких (он показал размер руками). Все это он проделал тихо, осторожно, по-прежнему не спуская с меня взгляда. Меня объял дикий ужас, и я, раскрыв глаза, приподнялся на постели и спустил ноги на пол. Увидя это, он быстро спрятал ножи, а я, схватив брюки, быстро напялив их на себя, не надев даже кальсон и едва застегнув тужурку, и под предлогом расстройства желудка выбежал из номера. Я прямо помчался на вокзал (к счастью, деньги были), да в поезд. И вот сегодня, прибыв в Москву, я отпраздновал свое избавление от несомненной опасности и явился к вам, чтобы рассказать этот более чем странный случай.

– Чего же вы бежали? Чего вы опасались?

– А ножи?

– Какой же расчет ему было вас убивать?

– Да черт его знает! Но он так глядел на меня, так глядел на меня, господин начальник, что мне все казалось, что он хочет, чтобы я был он, а он – я.

– Ну, голубчик, вы, кажется, зарапортовались. Что за чушь... «Я был он, а он я?» Просто это вам приснилось.

– Какое приснилось, когда я и багаж свой там оставил!

– А какой у вас был багаж?

– Да, например, серебряная мыльница.

– А еще что?

– Опять же полотенце, кальсоны и подаренный пиджак.

Подумав, я спросил:

– Где вы живете здесь?

– Пока нигде, а жил там-то. – И он назвал адрес и свою фамилию.

Я навел справку по телефону, и она подтвердила его слова.

– По какому адресу ходили вы наниматься в секретари?

– Вот этого припомнить я не могу, разве просплюсь и завтра вспомню.

– Хорошо, если вспомните, то приходите. До свиданья!

Студент как-то помялся, а затем проговорил:

– Господин начальник, конечно, мои сообщения малоценны, но а все-таки, может быть, вы одолжите три рубля, а я припомню адрес и сообщу вам.

– Извольте, получите! – И я протянул ему трехрублевку.

Студент схватил ее и рассыпался в благодарностях:

– Вот за это спасибо, ну, и выпью же я сейчас за ваше здоровье. Vivat господину начальнику! Gaudeamus igitur. – Сделав неуверенный поклон, он вышел из кабинета.

Я набросал кратко на бумажке сообщенные им данные и спрятал ее, на всякий случай, в заведенный для этого ящик.

На следующий день он не явился, и я вскоре забыл об его существовании.

Дней через пять после этого звонит мне по телефону начальник Петроградской сыскной полиции Владимир Гаврилович Филиппов:

– У нас тут, Аркадий Францевич, на Лештуковом переулке, случилось весьма загадочное убийство. В меблированных комнатах найден труп без головы, одетый в новый пиджак, хорошей работы.

Голова трупа обнаружена в печке, в сильно обезображенном виде (вырезаны щеки, отрезаны уши, содрана кожа на лбу). Голову пытались, видимо, сжечь, но неудачно. Из осмотра пиджака выяснено, что он работы московского портного Жака. Не откажите, пожалуйста, послать к нему агента с теми данными, которые я вам продиктую сейчас. На всякий случай образчик материи привезет вам сегодня со скорым поездом посланный мною чиновник; он же доложит вам все детали осмотра.

И Филиппов продиктовал мне ряд цифр и терминов, данных ему «экспертизой» портных.

Я обещал ему, конечно, полное содействие и откомандировал немедленно агента к портному Жаку. У него выяснилось, что пиджак этого размера, качества и цвета был сшит недавно некоему инженеру Андрею Гилевичу, за 95 рублей.

Услышав имя Гилевича, я сразу востроился, так как тип этот мне был хорошо известен по недавнему ловкому мошенничеству, с дутым мыльным предприятием, в которое Гилевич успел втравить много лиц и немалые капиталы. Фотография этого крупного афериста, равно как и образец его почерка, имелись у нас, при московской полиции. Гилевич в свое время произвел на меня самое отвратительное впечатление и рисовался в моем воображении типичным «героем» Ломброзо.

Я тотчас же позвонил Филиппову и сообщил полученные от Жака сведения. Вместе с тем я добавил, что имею основания полагать, что убит вовсе не Гилевич и что, как мне кажется, дело пахнет инсценировкой. Принимая во внимание, что у Гилевича было большое родимое пятно на правой щеке, факт обезображения лица усиливал мои подозрения.

В. Г. Филиппову обстоятельства, сопровождавшие убийство, казались тоже странными, и он решил пока тело не хоронить и энергично приняться за расследование.

Человек, приехавший из Петербурга с образчиком материи костюма, был мною опрошен, и из его рассказа выяснилось, что в комнате убитого при обыске было найдено два длинных ножа и серебряная мыльница с вензелем «А».

Услышав о ножах и мыльнице, я тотчас вспомнил о пьяном студенте. Порылся в ящике, и, найдя записку с его показанием и адресом, я полетел к нему. Застав его снова в безнадежно пьяном виде, храпящим в беспробудном сне, я велел привести его в сыскную полицию. Здесь на диване он проспал несколько часов. Когда он пришел в себя, его накормили и напоили, после чего он предстал предо мною.

– Вот что, опишите-ка вы мне вид вашей мыльницы, забытой вами в Киеве.

– Ах, господин начальник, я так виноват перед вами! Честное слово, я все вспоминал адрес этого типа, но никак не мог припомнить.

– Хорошо, об этом после. Как выглядела ваша мыльница?

– Да самая обыкновенная, коробка с крышкой...

– На крышке был какой-нибудь рисунок?

– Нет, имелась лишь буква.

– Какая буква?

– «А».

– Почему же «А»?

– Да это, видите ли, не моя мыльница, а моего приятеля; впрочем, я собирался ее вернуть, да вот не пришлось.

– Теперь извольте припомнить адрес, куда вы ходили наниматься в секретари.

– Да я, ей-богу, и сам бы рад вспомнить, и, как назло, память отшибло.

– В таком случае я вас отсюда не выпущу. Извольте припомнить.

Студент стал напряженно соображать, тер себе лоб, закатывал глаза, и вдруг лицо его расплылось в улыбку.

– Да, да, кажется, вспомнил! – сказал он радостно. – Третья Ямская-Тверская, номера дома не знаю, но по виду укажу.

– Ну, вот и отлично. Едем сейчас же!

На Третьей Ямской-Тверской студент тотчас же указал на какие-то меблированные комнаты. Их содержала некая Песецкая. Узнав моего спутника и справившись даже об его компании, она рассказала мне подробно, как в ее комнатах проживал некий Павлов, что к нему ходило по объявлениям много молодежи, что, наняв, наконец, «вот их» (она кивнула на студента), он, вместе с секретарем, через несколько дней выехал от нас.

Через неделю примерно Павлов вернулся, но уже один. Опять к нему стали ходить разные студенты, и, наняв одного из них, он с неделю как уехал с ним вместе в Петербург. «Впрочем, я по книге точно могу вам сообщить все сроки их отъездов и приездов».

– Посмотрите на эту карточку, не господин ли это Павлов? – сказал я, предъявляя ей фотографию Гилевича, захваченную мной из служебного архива.

– Он, он и есть! – убежденно сказали Песецкая и студент.

Теперь для меня не оставалось сомнения, что убийство на Лештуковом переулке – дело рук Гилевича. Однако мотив убийства оставался для меня неясен. Что могло побудить Гилевича пойти на это страшное дело? Казалось, ни корысть, ни месть не руководили им. Какие же стимулы двигали его преступной волей? Половое извращение, садические наклонности? Но зачем же тогда это переодевание трупа в собственный пиджак? Для чего же это старательное искажение лица убитого?

В это время мне снова позвонил по телефону В. Г. Филиппов.

– Знаете, – сказал он мне, – ваше предположение относительно Гилевича не оправдалось: я вызвал к трупу мать и брата Гилевича, и они оба признали в убитом сына и брата, Андрея.

Мать рыдала над покойным, ни минуты не сомневаясь в личности убитого. Придется, видимо, направить розыск по другому пути.

В ответ на это я сообщил В. Г. Филиппову добытые мною сведения и убеждал его не полагаться на мать и брата Гилевича.

Теперь на очереди стоял вопрос о выяснении личности жертвы.

Я обратился ко всем ректорам московских высших учебных заведений, прося дать мне сведения о студентах, которые за последние две недели брали долгосрочные отпуска. Вместе с этой просьбой я сообщил им некоторые приметы убитого студента, т. е. его высокий рост и плотное ширококостное сложение. Вскоре канцелярии учебных заведений прислали мне соответствующие списки, по которым набралось фамилий тридцать. По всем полученным адресам я разослал агентов и лично принялся рассматривать их рапорты.

Из 30 рапортов лишь 2 обратили на себя мое внимание. В первом говорилось, что студент Николай Алексеевич Крылов такого-то числа выехал в Петроград, а во втором, что студент Александр Прилуцкий, найдя занятия, выехал на два месяца в Петроград, оставив в Москве за собой комнату. Я кинулся по последнему адресу.

Квартирная хозяйка дала о Прилуцком хороший отзыв: смирный, кроткий человек, небогат, но платит аккуратно. Говорил, что нашел место в отъезд на два месяца. Комнату оставил

за собой, заплатив за месяц вперед. Вещи свои он запер в комнате, захватив с собой лишь небольшой чемоданчик.

Я вызвал агентов и приступил к тщательному обыску. Из хранившейся у Прилуцкого переписки выяснилось, что он сирота и имеет лишь одного близкого, родного человека в лице тетки, живущей в небольшом имении Смоленской губернии.

Я немедленно командировал в это имение агента, снабдив его фотографиями трупа и мертвой головы.

Агент по возвращении доложил, что тетушка Прилуцкого получила от последнего около двух недель тому назад письмо из Москвы, в котором он ей радостно сообщал, что нанялся секретарем к некоему Павлову и уезжает с ним в Петроград. Тетушка была глубоко потрясена и опечалена мыслью о возможности гибели племянника.

По предъявленным фотографиям она не могла категорически признать в убитом своего племянника, но по строению и расположению зубов усмотрела в фотографии большое сходство с ним. Тетушка рассказала, что отец покойного, заботясь об образовании сына, положил на его имя 5000 франков в один из парижских банков, надеясь, что сын со временем придет в Париж для усовершенствования в науках.

По получении этих сведений стало ясным, что убит Прилуцкий.

Но меня продолжал мучить все тот же проклятый вопрос: для чего понадобилось Гилевичу это убийство? Не 5000 франков соблазнили, конечно, его. Прилуцкого он до этого не знал. Очевидно, Прилуцкий стал жертвой благодаря лишь своему сходству с Гилевичем. И все чаще и чаще мне вспоминались слова пьяного студента:

«Он хочет, чтобы я был он, а он – я!»

Сообщив полученные мной дополнительные сведения Филиппову, я узнал, что и у него есть новые, интересные данные по этому делу.

Он запросил все страховые общества, и в результате выяснилось, что жизнь Андрея Гилевича была застрахована в 250 000 рублей в страховом обществе «Нью-Йорк», и оказалось, что мать Гилевича предъявила уже полис для получения страховой премии.

Филиппов отдал, конечно, приказ арестовать мать и брата Гилевича, но в тюрьме брат повесился, и за решеткой осталась сидеть лишь мать.

Так вот для чего понадобилось это таинственное превращение мертвого Прилуцкого в «убитого Гилевича»!

Теперь оставалось разыскать убийцу. Это являлось, однако, делом нелегким, так как за это время он мог легко скрыться за границу.

Самые тщательные розыски не приводили ни к чему. Я стал уже терять терпение, как вдруг получил из Смоленской губернии от тетки Прилуцкого следующее письмо:

«Милостивый государь, господин начальник!

Считаю своим долгом довести до Вашего сведения нижеследующие обстоятельства, могущие, быть может, помочь Вам разобраться в крайне тревожном для меня деле исчезновения моего племянника, Александра Прилуцкого. Вчера я получила из Парижа письмо, при сем прилагаемое, якобы от Саша, где он просит меня выслать нужные документы в Главный парижский почтамт до востребования.

Они необходимы ему для получения из банка вклада, положенного на его имя отцом. Хотя почерк в письме и походит на Сашин, но меня берут все же сомнения в его подлинности.

Кроме того, я не допускаю мысли, чтобы Саша, всегда державший меня в курсе своих дел и предположений, мог уехать в Париж не предупредив меня о том заранее. Ведь, уезжая из Москвы в Петербург, он тотчас известил меня об этом. Разберитесь, господин начальник, в этом сложном и, может быть, страшном для меня деле, и да поможет Вам в этом Господь!»

По моему приказанию была сейчас же произведена экспертиза почерков пересланного мне письма и автографа Гилевича, хранящегося у нас в архиве, и идентичность их была вполне установлена; особенно сходными оказались заглавные буквы А.

Итак, Гилевич в Париже!

Переговорив с В. Г. Филипповым, мы решили командировать в Париж; для задержания Гилевича чрезвычайно способного и дельного чиновника особых поручений М. Н. К-а, какой, получив мои инструкции, отправился в Париж для задержания Гилевича.

Какова была, однако, моя досада, когда на следующий день после его отъезда в «Новом времени» появилась заметка, сообщающая об отъезде М. К-а в Париж; и о цели его командировки. Я немедленно послал срочную шифрованную телеграмму ему вдогонку, сообщая о заметке и предлагая скупить все парижские номера «Нового времени» за такое-то число.

Получив мою телеграмму, М. Н. К. по приезде в Париж; успел скупить все номера газеты на Северном вокзале, и лишь 2 или 3 из них успели проскочить в продажу. Прежде всего, М. Н. К. кинулся в Главный почтамт, где узнал, что по соответствующему номеру до востребования вчера еще была получена каким-то господином корреспонденция из России. Оставался, следовательно, банк. Тут, к счастью, деньги, положенные на имя Прилуцкого, еще никем не были взяты. К. предупредил кассира, прося тотчас же его известить, как только явятся за ними. На второй день кассир дал ему знать о соответствующем требовании, и К. увидел незнакомого человека, вовсе не похожего на Гилевича. Он дал ему получить деньги и арестовал незнакомца с помощью французской полиции при его выходе из банка. Арестованный был отвезен в полицейский комиссариат, где и оказался искусно переприглаженным Гилевичем. Когда с него были сняты приклеенные борода и парик, когда грим был смыт с его лица – в личности арестованного не оставалось никакого сомнения.

Убийца пытался было уверить французскую полицию, что русские власти преследуют его как преступника политического, но словам его, конечно, не придали значения.

Видя, наконец, что игра проиграна, Гилевич признался во всем.

Из банка он был препровожден в комиссариат вместе с ручным чемоданчиком, с которым он приехал, очевидно, прямо с вокзала.

Теперь, принеся повинную, он попросил разрешения еще раз тщательно помыться, ввиду недавней груминговки. Ему разрешили, и он, в сопровождении полицейского, отправился в уборную, захватив из своего чемоданчика полотенце и мыло. В уборной он незаметно сунул в рот отколотый кусочек мыла и, набрав в руки воды, быстро запил его. Не успел полицейский его отдернуть, как Гилевич уже пал мертвым.

Оказалось, что в мыле он хранил цианистый калий, который и проглотил в критическую минуту.

По распоряжению Филиппова тело Гилевича было набальзамировано и отправлено в Петербург.

Так покончил земные счета один из тяжких преступников нашего времени.

Умелый адвокат, защищавший мать Гилевича, добился ее оправдания.

Но что значит для этой матери суд людской с его оправданием или карой, когда она, по возмездию небес, лишилась двух взрослых сыновей, вырванных из жизни петлей и ядом?!

Жертвы Пинкертона

В мой служебный кабинет с перепуганным лицом вошел тучный, высокий человек в пальто с барашковым воротником, высоких, лакированных сапогах и каракулевой шапкой в руках, лет пятидесяти, с проседью, по виду третьеразрядный купец. После нескольких приглашений он решился, наконец, грузно опуститься в кресло, глубоко вздохнул и обтер вспотевший лоб.

– Кто вы и что вам угодно? – спросил я его.

– Мы будем 2-й гильдии купцом, Иваном Степановым Артамоновым, имеем в Замоскворечье свою бакалейную торговлю, а только, между прочим, все это ни к чему, потому что, можно сказать, перед вами не купец, а труп!

– Т. е. как это труп?! – удивился я.

– Оченно даже просто, господин начальник! Какой же я живой человек, когда завтра мне смерть!

– Ничего не понимаю. Говорите, ради бога, яснее!

– Да уж все расскажу, господин начальник, на то и пришел. Одна на вас надежда, оградите меня от напасти! Не оставьте своей помощью!

И перепуганный купец рассказал следующее:

– Вчера мы, как и кажинный день, заперли в 9-м часу лавку, отпустили приказчиков, подсчитали выручку и, покончив с делами, поставили самовар и принялись чай пить. Выпили это мы с моей супружницей стаканчика по три. «Дай, – говорит, – Степаныч, я подолью тебе свеженького». А я ей: «Нет, Савишна, что-то не пьется, не по себе мне как-то: не то сердце ноет, не то под ложечкой сосет». – «Это ты окрошки перекушал нынче», – отвечает она. «Нет, окрошки мы съели в плипорцию. Не в ей дело, душа, – говорю, – как-то ноет. Не быть бы беде!» – «Типун тебе на язык, Степаныч!» – И супруга моя даже сплюнула. Вдруг в это время звякнул звонок. Господи, кого это несет в такую пору?

Входит в столовую кухарка и подает письмо. «Откудова?» – спрашиваю.

«Да какой-то малец занес, сунул в руку и ушел». Чудно это мне показалось. По коммерции своей я получаю письма, но утром и по почте, а это – на ночь глядя и без марки к тому же.

Забилось мое сердце, ищу очков – найти не могу, а они тут же на столе лежат. Савишна мне говорит: «Давай, отец, я распечатаю и прочту. Глаза мои помоложе будут». – «Сделай одолжение, – говорю я, – а мне что-то боязно!» Супруга раскрыла конверт, вытащила письмо, развернула да как вскрикнет: «С нами крестная сила!» Я всполошился, ажио в пот ударило. «Что, – говорю, – орешь?» – «Смотри, смотри, Степаныч!» – и дрожащей рукой протягивает письмо. Я поглядел: свят! свят! свят! Страсти-то какие!

Внизу листочка нарисован страшный шкилет, тут же черный гроб и три свечи. Да вот извольте сами посмотреть! – сказал Артамонов, протягивая мне письмо.

Я пробежал его глазами:

«Приказываю Вам завтра, 13 декабря, вручить мне на площади «У болота», ровно в 8 часов вечера, запечатанный конверт с тысячью рублей. В случае неисполнения этого приказа будете преданы лютой смерти!

Грозный атаман лихой шайки – Черный Ворон».

Купец продолжал:

– Как увидели мы с Савишной шкилет да гроб, сидим ни живы ни мертвы, а читать письмо боимся. Посидели эдак молча, а затем я и говорю: «Ну, Савишна, читай, у тебя глаза вострее!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.